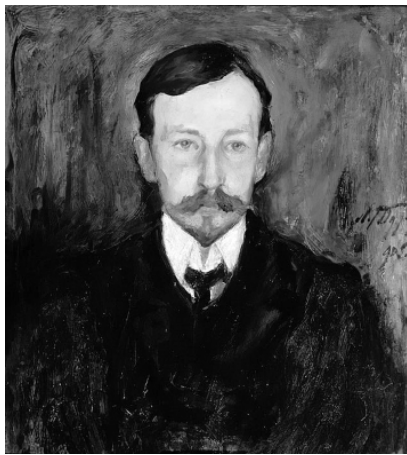

И сегодня можно встретить у разной литературной мошкеры высокомерно пренебрежительное отношение к поэзии Бальмонта и Бунина. Первого из них они наделяют своей идентичностью — графоман, во втором — умалчивают как о вообще несуществующем поэте. Третирование Бунина-поэта идёт давно, от Брюсова и через его глубокомысленного ученика Гумилёва, поддержанного повествовательной Анной Ахматовой, не гнушавшейся при этом прямым заимствованием из бунинских стихов, пользуясь тем, что их мало кто помнил, потому что длительное время они не издавались в СССР (читайте, например, об осени-вдове у поэтессы и «Листопад» Бунина, «Мужество» поэтессы и вдохновившее её «Слово» отвергаемого ею поэта). Однако Бунину повезло в ином. Он признан классиком русской прозы. В этом качестве он не просто высоко ценим. Он ещё и известен как придирчивый, но справедливый судья своего времени и своих современников. Его будут ещё долго читать, и ещё долго будут верить в его особенно правдивое «прославление» Бальмонта.

Я ещё раз, чтобы было яснее ясного, должен подчеркнуть эту «особенную правдивость» Бунина. Он никогда не лгал, если не считать детства, когда, по его же словам, был привержен ко лжи до болезненности, что позднее было определено им как знак свыше, предвещающий художественное сочинительство. Признаюсь, что не знаю другого прославленного писателя, который в детстве обладал подобной патологической склонностью к «выдумыванию». Последнее свойство, повторяюсь, и вылилось в конечном итоге в форму «особенной правды». Например, в «Окаянных

¹ **Маркович Яков Семёнович** родился в 1941 году в Баку. Служил три года в армии солдатом, плывал по Каспию радистом на буксировщике-спасателе, окончил филологический факультет Московского университета, защитил кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы. Стихи и статьи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Литературной учёбе», «Подъёме», «Южной звезде», «Литературной России». Живёт в Москве.

Бунин. Портрет кисти Леонардо Туржанского. 1905 год

днях» Бунин тщательно компонует «зверства», чинимые восставшим народом, не забывая и еврейского погрома. При этом он ни словом не обмолвился о черносотенцах, верноподданнической монархической мрази, учинившей этот погром, который, таким образом, отнесён Буниным на счёт революционного народа. Ни словом писатель не обмолвился и об истинном зверье, о вооружённых до зубов белогвардейцах, профессиональных убийцах, уничтожавших из-за своих утрачиваемых привилегий простой люд, угнетае-

мый ими веками, простой люд, который был и плохо вооружён, и плохо обучен военному делу. Генерал Деникин позднее — там, в эмиграции — во всеуслышание заявил, что его армия потерпела поражение потому, что он, Деникин, не мог воевать с безоружным народом. Отец Деникина был крепостным, а Бунин мечтал пожить прежним помещиком. Отсюда в «Окаянных днях» та «особенная правда», которая хуже гнусной лжи.

В «Воспоминаниях» Бунин описывает Бальмонта тем же самым своим методом «особенной правды». Для вящей убедительности Бунин не только обращается к кладовой своей воистину феноменальной памяти, но и приводит цитатный материал из периодической печати в качестве фактов, с которыми, как известно, не поспоришь. Лично я спорить и не собираюсь. Я лишь использую умолчания Бунина, чтобы восстановить истинный портрет Бальмонта.

Познакомились Бальмонт и Бунин на одной из «пятниц» у К.К. Случевского в 1894 году. Оба поэта были молоды. Бальмонту было около двадцати семи лет, а Бунину около двадцати четырёх. Бальмонт был уже известным автором переводных вещей и двух поэтических сборников, второй из них был встречен критикой сочувственно. У Бунина к тому времени вышел единственный сборник, в рецензии на который некий критик (похоже, это был знаменитый ругатель В.П. Буренин) назвал автора скороспелых

стихов «чесночной головкой». Своё знакомство поэты закрепили стихотворными посвящениями друг другу. Приведу каждое из них.

Ковыль

И.А. Бунину

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И, непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

Если издать самое миниатюрное собрание образцовых стихотворений русской поэзии и не включить туда «Ковыль» Бальмонта, то такое издание нельзя будет назвать антологией.

А теперь стихотворение Бунина, которое единственный раз было опубликовано в газете «Орловский вестник», а столетие спустя было воспроизведено в восемьдесят четвёртом томе «Литературного наследия».

Посвящается К.Д. Бальмонту

Ни песен, ни солнца... О, сердце моё!
Ты песней звенело, ты солнцем дышало,
Ты жаждало веры, чтоб верить любви...
— И всё навсегда, навсегда миновало...

Забвенья, покоя!.. В душе тишина...
Но сном благодатным забыться — нет мочи;
Печально мерцает свеча до утра,
И медленно тянутся скорбные ночи...

И только порой — на мгновенье одно, —
Поникнув в раздумье, в молчанье глубоком,
Я слышу — опять эта песня звучит
О чём-то родимом... далёком-далёком...

И только порой в ней надежду ловлю,
Что ветер внезапный развеет ненастье
И дверь распахну я на солнечный блеск
Для новой работы, для нового счастья!

Попади это стихотворение на глаза В.П. Буренину, он бы не изменил своей прежней характеристики автора. Дело в том, талант Бунина развивался очень медленно, о чём он, повторяюсь, обладатель феноменальной памяти, став нобелевским лауреатом, основательно забыл. Вот что он сообщает о Бальмонте после кончины поэта: «И ещё: при всём этом был он довольно расчётливый человек. Когда-то в журнале Брюсова, в “Весях”, называл меня, в угоду Брюсову, “малым ручейком, способным лишь журчать”». Мы “помним, что у Буренина речь шла не о ручейке, журчание которого было привлекательно для Бальмонта, обожающего природу. Бальмонт выразил то, что он думал. О какой вообще угоде Бунин ведёт речь? Бальмонт, в отличие от большинства пишущей братии (включая и самого Бунина с его подбострастием, например, перед Андреем Седых, журналистом, чьи никчёмные рассказы он безбожно перехваливал с тем, чтобы получать от того материальную помощь), никогда ни перед кем не угодничал.

Десятилетие спустя после упомянутого нобелевским лауреатом выступления в «Весях» Бальмонт высказался о Бунине в более резком тоне, о чём Бунин как бы забыл, потому что Бальмонт попал ему не в бровь, а в глаз: «Бунина я считаю человеком талантливым, но не большим. Вдобавок он увлекается своим академизмом, который не заслужен, и не существует» («Голос Москвы», 1913, № 237, 15 октября).

Далее Бунин сообщает: «Позднее, когда времена изменились, стал вдруг милостив ко мне, — сказал, прочитав мой рассказ “Господин из Сан-Франциско”:

— Бунин, у вас есть чувство корабля!».

Увы и увы. Опять намёк на угодливость («времена изменились»). Но суть в том, что Бальмонт от души приветствовал успех Бунина задолго до того, как «Господин из Сан-Франциско» стал единственным всемирно известным из всех рассказов Бунина.

«А ещё позднее, — продолжает Бунин рисовать угодническую натуру Бальмонта, — в мои нобелевские дни, сравнил меня на одном собрании в Париже уже не с ручейком, а со львом: прочёл сонет в мою честь, в котором, конечно, и себя не забыл, — начал сонет так: “*Я тигр, ты — лев!*”». Бунин не замечает, что Бальмонт не просто «и себя не забыл», а поставил на первое место.

Да! Долго, десятилетия вынашивал Бунин свою обиду, холил, лелеял её — и вновь по поводу угодливости Бальмонта попал пальцем в небо. По Бунину выходит, что Бальмонт сравнил его с царём зверей! Но лев считается «царём зверей» на обыденном языке. У Бальмонта этот «царь» представляет собой нечто иное:

Мой зверь — не лев, излюбленный толпою, —
Мне кажется, что он лишь крупный пёс.
Нет, жёлтый тигр, с бесшумною стопою,
Во мне рождает больше странных грёз.

И символ Вакха, — быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард,
Он весь — как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.

Это необычный тигр. Он прямой родственник тигра из одноимённого стихотворения Блейка, которого у нас первым начал переводить Бальмонт. А что касается льва, то он, как вышло по Бальмонту, всего «лишь крупный пёс», собака. И как же Бунин усмотрел в сонете Бальмонта, написанного в его честь, угодничество?

Если вернуться к началу их знакомства, то окажется, что Бунин уже в ту пору на голову превосходил Бальмонта даже интеллектуально, ведь Бунин в скором времени станет академиком, пусть и в описанное время считал сонетом стихотворение, написанное четверостишиями.

«— Что до Бальмонта, то он своими выкрутасами однажды возмутил даже Гиппиус. Это было при мне на одной из литературных “пятниц” у поэта Случевского. Собралось много народу, Бальмонт был в особенном ударе, читал своё первое стихотворение с такой самопоённостью, что даже облизывался:

Лютики, ландыши, ласки любовные...

Потом читал второе, с отрывистой чеканностью:

*Берег, буря, в берег бьётся
Чуждый чарам чёрный чёлн...*

Гиппиус всё время как-то сонно смотрела на него в лорнет и, когда он кончил, и все ещё молчали, медленно сказала:

— Первое стихотворение очень пошло, второе — непонятно.

Бальмонт налилсь кровью:

— Пренебрегаю вашей дерзостью, но желаю знать, на что именно не хватает вашего понимания?

— Я не понимаю, что это за чёлн и почему и каким таким чарам он чужд, — отдельно ответила Гиппиус.

Бальмонт стал подобен очковой змее:

— Поэт не изумился бы мещанке, обратившейся к нему за разъяснением его поэтического образа. Но когда поэту докучает мещанскими вопросами тоже поэт, он не в силах сдержать своего гнева. Вы не понимаете? Но не могу же я приставить вам свою голову, дабы вы стали понятливей!

— Но я ужасно рада, что вы не можете, — ответила Гиппиус. — Для меня было бы истинным несчастьем иметь вашу голову...»

Это та самая З.Н. Гиппиус, которая была главой петербургской школы злословия и наводила ужас на всё своё окружение. Её страшился даже Бунин, хотя и находился вне её орбиты. Она была великим критиком и обладала тончайшим чувством поэзии. «Благоухающие седины», её высокомерное воспоминание об авторах старшего поколения, которые, если верить мемуаристке, непременно считались с её мнением (ей в ту пору было 18 лет), завершаются тем, что она ставит А. Майкова выше Фета. По каким критериям? Да очень просто. А. Майков был академиком, а Фет — член-корреспондентом. И вовсе не важно, что от А. Майкова в русской поэзии осталась единственная строка («Весна! выставляется первая рама»), а Фет является одним из тончайших лириков в истории мировой литературы.

Некогда Батюшков пустил милую шутку, что Крылов, кроме настенного календаря, ничего не читает. Гиппиус и академик Бунин в сравнении с Бальмонтом вообще ничего не читали. Ни она, ни Бунин так и не поняли, почему чёрный чёлн чужд чарам. Красота звуков так завораживала Бальмонта, что он обычно не вдумывался в смысл. Однако появление «чёрного чёлна» связано с другим. Многие стихотворения Бальмонта не столько плод живого воображения, сколько результат цепкой памяти. Этот чёрный чёлн, по всей видимости, попал к Бальмонту, ежегодно перечитывавшему по библиотеке, из «Моби Дика» Мелвилла. Когда Квикег тяжело заболел и засобирился к «верхним людям», к предкам, он попросил изготовить непотопляемый гроб в виде чёлна. Чёлн изготовили, но Квикег пошёл на поправку и отказался воспользоваться им, так как вспомнил, что на берегу у него осталось неотложное дело. Тогда этот чёлн просмолили и стали использовать

как буй. Прилаженный к корме «Пекода», этот чёрный гроб удивлял моряков встречных судов.

Эвфемизмом гроба чёлн выступает и в стихотворении Бальмонта «Дьявол моря». В этом эвфемизме, сколь бы издевательски ни измывалась Гиппиус, нет ничего непонятного. Пять лет спустя, к нему прибегнет и сам Бунин в великолепном стихотворении «Берег», переименовав «чёлн» в «ладью» и сменив чёрный цвет на белый, на цвет савана.

Внутренний мир Бальмонта очень точно и кратко определил А.И. Урусов, назвав некоторые стихотворения своего молодого друга «психиатрическим документом». Психическая неуравновешенность Бальмонта, который был ко всему ещё и подвержен алкоголизму, и в быту приводила к различного рода казусам. Вот тут-то Бунин, мстя за

свои обиды, переходит за грань не только этики, но и простенькой совестливости. «...Знаю... как однажды били его ночью полицейские в Париже, потому что шёл он с какой-то дамой позади двух полицейских и так бешено кричал на даму, ударяя на слово “ваш” (“ваш хитрый взор, ваш лукавый ум!”), что полицейские решили, что это он кричит на них на парижском жаргоне воров и апашей, где слово «vache» (корова) употребляется как чрезвычайно оскорбительная кличка полицейских, ещё более глупая, чем та, которой оскорбляли их в России “фараон”».

Этих милых сердцу Бунина полицейских почему-то «оскорбляют» не только во Франции и России. Они повсюду презренны. А в эпизоде, который смакует Бунин, они трижды презренны уже потому, что в силу своей тупости и бесчеловечности нещадно избивают невинного, распустившего хвост павлином большого пожилого человека, что доставляет радость его собрату по перу! Бунин тут же продолжает: «А при мне было однажды с Бальмонтом такое: мы гостили с ним летом под Одессой, в немецком посёлке на берегу моря, пошли как-то втроем — он, писатель Фёдоров и я — купаться, разделись и уже хотели идти в воду, но тут,

Бальмонт. Портрет работы В. Серова. 1905 год

на беду, вылез из воды на берег брат Фёдоров, огромный мужик, босяк из одесского порта, вечный острожник, и, увидав его, Бальмонт почему-то впал в трагическую ярость, кинулся к нему, театрально заорал: “Дикарь, я вызываю тебя на бой!”, — а “дикарь” лениво смерил его тусклым взглядом, сгрёб в охалку своими страшными лапами и запустил в колючие прибрежные заросли, из которых Бальмонт вылез весь окровавленный...». Здесь Бунин переходит уже все границы бездушия и чёрствости, ведь это, по сути, насмехательство над Дон Кихотом, вызвавшим на бой ветряные мельницы, в результате чего пострадал точно так же, как и Бальмонт.

К «психиатрическим документам» следует отнести не только часть стихотворений Бальмонта и его выверты в быту, но и вывихи, мелькающие в его прозе. Бунин их тщательно собирал для смакования, как собирают анекдоты любители их. Вот образец, выписанный Буниным, из журнального «отчёта» Бальмонта о своём путешествии на мыс Доброй Надежды, на котором она, надежда, не осуществилась:

«— Когда наш корабль, — Бальмонт никогда не мог сказать “пароход”, — бросил якорь в гавани, я сошёл на сушу и углубился в страну, — тут Бальмонт опять-таки не мог сказать, что он просто вышел за город, — я увидел род вигвама, заглянул в него и увидел в нём старуху, но всё же прельстительную своей старостью и безобразием, тотчас пожелал осуществить свою близость с ней, но, вероятно, потому что я, владеющий многими языками мира, не владею языком “зулю”, эта ведьма кинулась на меня с толстой палкой, и я принуждён был спастись бегством...».

Бунин прекрасно знал, что о личности автора рядовые читатели часто судят по его произведениям. Так, автор «Нравственных писем к Луцилию» предстаёт перед обыкновенным читателем как олицетворение порядочности, хотя на деле был редкостным подонком. Но если читателя перед прочтением писем к Луцилию скормить сведениями о чудовищной безнравственности учителя Нерона, то эти прекрасные письма буду восприняты как подлая ложь. Удивительно честный, прямодушный, тонкий, впечатлительный Бальмонт предстаёт перед читателем в воспоминаниях Бунина бездарностью и шутлом гороховым, который «возмутил даже Гиппиус»... Эка важность эта Гиппиус! Что же Бунин умалчивает о своём учителе, о Чехове, которого Бальмонт тоже «возмутил»?

«Милый Константин Дмитриевич, с новым годом, с новым счастьем, с новыми капризами молодой, красивой, сладострастной музы! Да хранит Вас небо!..

Из Ваших книг у меня имеются: 1) «Под северным небом»; 2) Шелли, вып<уск> 2-й и 7-й (Ченчи); 3) «В безбрежности»; 4) «Тишина»; 5) Кальдерон, т. 1; 6) «Таинственные рассказы»; 7) По Эдгар, т. 1.

За книги всей душой благодарю. Я теперь не работаю, а только читаю, и завтра-послезавтра примусь за Эдг. По...

Нового ничего нет. Всё по-старому. Будьте здоровы, счастливы, веселы и не забывайте, что в Ялте проживает человек, неравнодушный к Вам, и хоть изредка пишите.

Ваш душой А. Чехов».

Или из другого письма Чехова Бальмонту:

«Дорогой Константин Дмитриевич, за Ваше милое письмо да благословят Вас небеса! Я жив, почти здоров, но всё ещё сижу в Ялте и буду сидеть долго, так как больна моя жена. “Горящие здания” и второй том Кальдерона получил и благодарю Вас безгранично. Вы знаете, я люблю Ваш талант, и каждая Ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения...

Будьте здоровы, да хранят Вас херувимы и серафимы. Пишите мне ещё, хоть одну строчку.

Ваш А. Чехов».

Чего только Бунин ни ставит Бальмонту в лыко! Он сообщает с насмешкой, что Бальмонт — полиглот, не владел ни одним иностранным языком в отличие от него, Бунина, де, знатока языков. Чудесный перевод Бунина «Песни о Гайавате», как и другие его переводы, сделаны с подстрочника. Живя более тридцати лет во Франции, Бунин так и не научился свободно изъясняться на французском. В лыко Буниным ставится и то, что Бальмонт называл в стихах «тайные прелести своих возлюбленных на редкость скверно: “Зачарованный Грот”». Я уже отметил «цепкую память» Бальмонта. Этот «зачарованный грот» он позаимствовал из восточной поэзии. Как же не согласиться с Буниным, что поэзия Индии и Китая скверная? Сам Бунин эти «прелести возлюбленных» в своих рассказах назойливо называл «лобок» и «треугольник». Это и физиологично и геометрично, а главное — запредельно поэтично.

Я вновь пробегаю глазами воспоминания Бунина о Бальмонте, но больше ничего о них говорить не стану, потому что мне не по себе. Сдаётся, что их написал не прекрасный русский поэт, а прямой потомок третьего сына Ноя.